

— Щёлк! — Чайная чашка вылетела из рук Цзян Чэнъяня и с грохотом разбилась об пол. Белоснежный фарфор рассыпался на осколки, а недопитый чай оставил на полу мокрый след.

Цзян Чэнъянь мрачно уставился на Ша Цяньцянь:

— Что ты сказала?

Ша Цяньцянь вздрогнула, крепче сжав вуаль в руках. Ли Цзиньсю, заметив её испуг, почувствовала неладное и резко встала:

— Ваша семья Цзян хочет расторгнуть помолвку? Хм, если уж расторгать, то это должна быть наша инициатива. Теперь, когда его любовные похождения пришли к нашему порогу, вы всё ещё хотите отрицать, что между ними было нечто большее, чем просто поэзия и цветы?

Цзян Чэнъянь обернулся и, увидев гневные лица старосты Ань и Ли Цзиньсю, почувствовал себя неловко. Именно эта доля неуверенности позволила старосте Ань взять инициативу в свои руки. Он подозвал Ша Цяньцянь, чтобы она встала рядом с семьёй Ань. Только так она могла с уверенностью продолжить этот спектакль.

Ша Цяньцянь, подойдя к семье Ань, попросила их расторгнуть помолвку ради неё и Цзян Чэнъяня. За дверями дома Ань поднялся шум:

— Неужели господин Цзян действительно поступил недостойно с юной госпожой Ань?

— Раз она сама пришла, значит, это правда. Посмотрите, господин Цзян даже не отрицает!

— Если бы они просто встречались тайком, это ещё куда ни шло, но ведь между семьями Цзян и Ань есть брачный договор!

— Если бы договор не был подписан, его можно было бы отменить, но раз уж он заключён, то расторгнуть его уже нельзя.

Среди зеваков поднялся ропот, а уездный воевода Цзян покраснел от злости. Он ругал в душе семью Ань за то, что они не прогнали любопытных. Сегодня их семья потеряла лицо!

— Ты врёшь! Когда я говорил, что хочу расторгнуть помолвку ради тебя? — Цзян Чэнъянь был в ярости.

Уездный воевода Цзян обрадовался, что сын не сдался в критический момент, и поспешил добавить:

— Верно, это просто её выдумки!

Цзян Чэнъянь, произнеся эти слова, уже начал сомневаться... Разве не он сам хотел расторгнуть помолвку? Но он не хотел, чтобы его обвиняли в тайной связи с Ша Цяньцянь, поэтому он не мог признаться!

— Я не вру, многие знают о моих отношениях с господином Цзяном, — жалобно сказала Ша Цяньцянь, вызвав сочувствие у окружающих.

Она не лгала, ведь она не утверждала, что они были любовниками.

— Хм, что ты ещё можешь сказать? — строго спросил староста Ань.

— Негодяй, признай свою вину! — уездный воевода Цзян торопил сына.

Цзян Чэнъянь смотрел на Ша Цяньцянь. Он не понимал, почему она вдруг начала выдумывать их отношения, но начал подозревать, что всё, начиная с её приглашения и заканчивая восстановлением её статуса и распространением слухов, было частью чьего-то плана.

Но зачем это Ша Цяньцянь? Неужели она влюбилась в него, сама того не осознавая?

— Нет, этого не может быть! — внутренний голос Цзян Чэнъяня твердил, что всё не так просто.

— Помолвка должна быть расторгнута сегодня! Цзян Чэнъянь, ты меня глубоко разочаровал. Наши семьи были дружны сто лет, и этот союз был заключён благодаря доверию наших отцов. Но ты не ценишь этого! У меня только одна дочь, Тун, и я лучше найду ей мужа, который войдёт в нашу семью, чем позволю её будущему мужу тайно встречаться с другой женщиной до свадьбы!

Жители деревни Фуцю горячо обсуждали происходящее:

— Да, кто бы мог подумать, что он окажется таким человеком...

— Признай свою вину!

— Ань, потерпи, всё наладится.

— Ты не должен обижать Тун в будущем!

— Если ты посмеешь обидеть Тун, я тебе этого не прощу!

— Что значит «не любить Ань Тун»? Ты вообще понимаешь, что такое любовь?

— Брат Цзян, как ты не можешь справиться со своей женщиной?

...

Все эти слова проникали в уши Цзян Чэнъяня. Вопросы, требования признать вину, постоянное унижение перед семьёй Ань и насмешки друзей, узнавших о его помолвке с Ань Тун, мелькали в его памяти.

Он видел себя, хвалимого как вундеркинда, с блестящим будущим; видел, как семья Ань льстила ему при жизни его деда; видел, как друзья восхищались его талантами и умом; видел уважение и доверие жителей деревни Фуцю и многих других.

Но всё это было на грани исчезновения, и виной всему была Ша Цяньцянь, а также отвратительное лицемерие семьи Ань!

Как он мог позволить им расторгнуть помолвку? Только он мог расторгать помолвки, а они посмели унижить его перед всеми! Семья Ань хотела растоптать его достоинство, но он никогда этого не допустит!

— Я не знаю, зачем ты, Ша Цяньцянь, решила оклеветать меня, но я, Цзян Чэнъянь, никогда не расторгну помолвку ради такой грязной женщины! Эта помолвка останется в силе! — холодно заявил Цзян Чэнъянь.

Уездный воевода Цзян был в полном смятении. Хотя нежелание сына расторгнуть помолвку

было хорошим знаком, его отношение никак не могло успокоить семью Ань.

Он уже собирался что-то сказать, но Цзян Чэнъянь продолжил:

— Отец, разве ты не видишь? Почему эта женщина так вовремя появилась здесь? Разве это не уловка семьи Ань? Они хотят оклеветать меня, чтобы расторгнуть помолвку? Я говорю вам, это не работает!

Голова Ань Тун закружилась. Как Цзян Чэнъянь всё понял?

Староста Ань и Ли Цзиньсю оставались спокойны:

— Хм, ты сам знаешь, что сделал. И как ты смеешь так разговаривать со старшими? Теперь я сомневаюсь, как ты будешь обращаться с Тун, если женишься на ней!

Хотя помолвка была заключена, ни одна из сторон не могла её расторгнуть без серьёзных причин. Семья Ань хотела использовать этот случай, чтобы заставить семью Цзян расторгнуть её, но не ожидала, что Цзян Чэнъянь вдруг передумает. Разве он не всегда был недоволен Ань Тун?

Ань Тун тоже размышляла:

— Разве Цзян Чэнъянь не был тем, кто больше всего хотел расторгнуть помолвку? Почему теперь он не хочет этого? Неужели после расставания с Сюй Сянжу он разочаровался в любви и теперь женится на ней ради положения семьи Ань?!

Развитие событий оказалось неожиданным. Вспоминая свои кошмары о смерти, Ань Тун почувствовала, будто её окутало холодом.

Солнце уже клонилось к закату, и зеваки у дома Ань давно разошлись. Однако сегодняшние события не принесли никакого результата. Семья Цзян упорно отказывалась расторгать помолвку, а семья Ань, хотя и осуждала Цзян Чэнъяня с моральной точки зрения, ничего не могла поделать.

Что касается слов Ша Цяньцянь, многие ей поверили. Ведь женщина, готовая пожертвовать своей репутацией, чтобы заставить Цзян Чэнъяня взять ответственность, вряд ли лгала. И хотя Цзян Чэнъянь не признавал своих отношений с ней, эта доля сомнения уже закрепилась в умах людей, и никакие оправдания не могли изменить их мнение.

Шао Жу, в смятении, пришла на место, где они обычно встречались с Цзян Чэнъянем. Услышав о его связи с Ша Цяньцянь, она была глубоко опечалена. Какая женщина останется равнодушной, узнав, что её возлюбленный был с другой?

Цзян Чэнъянь тихо стоял за её спиной, пока она не заметила его. Она вытерла слёзы и, не говоря ни слова, повернулась, чтобы уйти. Цзян Чэнъянь схватил её за руку и умолял:

— Не уходи!

Шао Жу попыталась вырваться, но Цзян Чэнъянь не отпускал её, а, наоборот, крепко обнял сзади:

— Всё, что было с Ша Цяньцянь, произошло до того, как я встретил тебя. С тех пор, как ты появилась в моей жизни, я понял, что нашёл свою истинную любовь. Ша Цяньцянь была лишь

развлечением!

— А до того, как ты встретишь следующую истинную любовь, я тоже буду развлечением?

— Нет! Нет! Нет! Ты не сравнишься с Ша Цяньцянь. Ты — священный лотос, а она — лишь грязь в реке! — воскликнул Цзян Чэнъянь.

— Но... мне так больно!

— Прости, если бы я мог, я бы вырвал своё сердце, чтобы ты увидела, кто в нём!

...

После этой страстной исповеди Шао Жу постепенно простила Цзян Чэнъяня. Она вдруг вспомнила:

— Ты ведь должен был вернуться?

— Я не мог уйти, не увидев тебя.

— Тогда... почему ты не воспользовался случаем, чтобы расторгнуть помолвку с Ань Тун?

Цзян Чэнъянь рассказал ей о своих переживаниях, и Шао Жу сказала:

— Действительно, нельзя позволить, чтобы твоя репутация была разрушена!

<http://bllate.org/book/16381/1482661>